
Мир П.Л.М.С.
Скелет в чужой шкуре
Алексей Рудь
18+

Мир П.Л.М.С.

Алексей Рудь

Мир П.Л.М.С. Скелет в чужой шкуре

«Автор»
2026

Рудь А. П.

Мир П.Л.М.С. Скелет в чужой шкуре / А. П. Рудь — «Автор», 2026 — (Мир П.Л.М.С.)

Сознание обычного мужчины переносится в тело самого беспощадного наёмника королевства, только что павшего от рук северного мага.Старый мир — позади, а в новом его ждут: смертельное проклятие, враги, считающие его виновником своих бед, и малец-слуга, который видит, что прежний хозяин... изменился.Чтобы выжить, Артём должен принять правила игры. Убивать. Обманывать. Вести за собой.Но главная битва идёт у него внутри. Ведь память тела всё чаще требует крови, а в мире, откуда он пришёл, его всё ещё ждут жена и сын.Сможет ли он уничтожить проклятие, не потеряв себя и не забыв тех, кого любит? Ведь плата за магию — это часть его собственной души.

© Рудь А. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Без снов (переписанная — эмоции и чувства) 5
Глава 2. Темнота, которая не кончается 10
Глава 3. Город, который пахнет смертью 13
Глава 4. Первая кровь 17
ГЛАВА 5. ЮЖНЫЕ ВОРОТА 20
ГЛАВА 7. Следы прошлого 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Алексей Рудь
Мир П.Л.М.С. Скелет в чужой шкуре

Глава 1. Без снов (переписанная — эмоции и чувства)

Я открываю глаза.

Потолок белый. Трещина справа, третья от угла. Она появилась, когда я в последний раз ругался с женой. Нет, не поэтому — просто совпадение. Но я помню ту ссору. Я тогда сказал: «Ты меня не слышишь». А она: «Ты вообще ничего не чувствуешь». И я промолчал. Потому что если бы я сказал, что чувствую *всё*, что у меня внутри разрывается каждый раз, когда она так говорит, — я бы разревелся. А я не умею плакать. Разучился.

Слева — Лена. Дышит. Я слушаю её дыхание. Оно неровное. Сегодня ей снится что-то тревожное. Я знаю: если сейчас прижаться к её спине, она выдохнет и сон уйдет. Я не двигаюсь. Потому что боюсь. Не её. Себя. Если я сейчас прижмусь — я не уйду. Я останусь, начну гладить её по руке, она проснется, мы начнём говорить, потом — обниматься, потом будет поздно вставать. А на работе меня ждут. И если я опоздаю — я буду злиться на себя. А злиться на себя я устал. Сильно устал.

Сын, Пашка. Ему девять. Он спит в комнате напротив. Я знаю, что он опять укрылся только до пояса, ноги голые. Я двадцать раз говорил: «Простынешь». Он смеется. Говорит: «Ты же спишь без шапки зимой, пап». И это меня убивает. Потому что он прав. Он копирует меня. И я не знаю, хорошо это или плохо. Наверное, и то, и другое.

Я люблю их так, что иногда хочется кричать.

Но я молчу. Потому что если начну кричать — я не остановлюсь. Я расскажу Лене, как боюсь остаться без неё. Как каждое утро проверяю, дышит ли она. Как считаю удары ее пульса по ночам — норма или нет. Расскажу, что когда Пашка в первый раз пошёл в школу один, я шел за ним в двухстах метрах, прятался за деревьями как дурак. Идиот сорокалетний.

Но я молчу. Потому что если я это скажу — Лена испугается. Она подумает, что я схожу с ума. А я не схожу. Я просто люблю. Так, что это жжёт изнутри.

Встаю.

Пол холодный. Ступни говорят мне: «Осторожно, босиком на холодном — простудишь суставы». Я игнорирую. Иду в коридор — там коврик. Я постелил его специально для себя, потому что каждое утро одно и то же: холодный пол — укол в подошвы — и сразу просыпаешься. Это мой ритуал. Моя маленькая жестокость к себе. Зачем? Чтобы чувствовать. Чтобы помнить: ты живой.

Чайник. Я смотрю на него. Он закипает за три минуты ровно. Я считаю не потому, что я псих. А потому что мне скучно. Мне всегда скучно. Даже когда весело. Потому что я уже знаю, чем закончится веселье. Закончится оно тем, что наступит завтра, и будет снова.

Завариваю чай. Беру кружку — ту самую, с отбитой ручкой. Лена сто раз говорила: «Выброси». Я не выбрасываю. Потому что эту ручку отбил Пашка, когда ему было два года. Он тогда хотел меня напоить. Сам. Схватил кружку, уронил, ручка откололась. И заплакал. А я сказал: «Ничего страшного, папа склеит». Склеил суперклеем. И пью из неё каждое утро. И когда пью — у меня внутри что-то тёплое. Не от чая. От памяти.

Шесть тридцать.

Я сажусь на подоконник. Улица пустая. Лампочка моргает. Я смотрю на неё мигающую — и в груди что-то щемит. Глупо. Лампочка. Мне не жалко лампочку. Просто… всё вокруг такое недолговечное. Лампочка сдохнет через неделю. Я сдохну через сорок лет, если повезёт. Лена — через пятьдесят. Пашка — когда-то потом. И всё это — моргание.

Я хочу остановить время. Прямо сейчас. Чтобы они всегда спали. А я всегда сидел на подоконнике и пил чай.

Нельзя.

Я делаю глоток. Горячо. Обжигая нёбо. Хорошо. Боль — это честно. Когда болит — не врёшь себе, что всё отлично.

В 7:10 — мусоровоз. Я усмехаюсь. Точно, как вчера. И позавчера. И всегда. Я мог бы поставить часы по этим звукам. Но зачем? У меня и так всё расписано.

Лена выходит. Сонная. Волосы спутаны. Халат наизнанку — она всегда надевает наизнанку, когда поздно легла. Мы смотрели сериал до часу. Глупый сериал. Детектив, где убийца — тот, кого не подозревают. Я знал с первой серии. Но не говорил. А она до последнего гадала. И когда убийцу показали — она сказала: «Ни за что бы не догадалась!» А я подумал: «Ты прекрасна в этом — в своём удивлении. Пожалуйста, никогда не теряй эту способность».

— Доброе утро.

— Доброе, — отвечаю.

Я хочу сказать ей: «Ты красивая. Даже сонная. Даже с халатом наизнанку. Я люблю тебя. Очень». Но я говорю:

— Кофе на плите.

Потому что если я скажу про любовь — она заплачет. Спросит, что случилось. А ничего не случилось. Просто у меня внутри так много, что не помещается.

Я часто отказываю себе в словах. Потому что если начать говорить — не остановишься. А я устал быть открытым. Открытым больно.

В 7:40 выхожу.

Пашка спит. Я останавливаюсь у его двери. Прислушиваюсь. Сопит. Я помню, как в роддоме боялся его трогать — такой маленький, казалось, сломается. А сейчас — вон какой лоб уже, отцовский. Моя копия. Только глаза Ленины.

— Пока, Паш, — шепчу. — Я вечером.

Он не слышит. А я выдыхаю. Потому что если бы он услышал и проснулся, я бы опоздал на работу. И не жалел бы. Вот так я себя обманываю — "не жалел бы". Жалел бы. Потому что работа — это деньги. А деньги — это еда, одежда, кружки с новыми ручками.

На улице мороз. Дышать — больно. Я люблю этот холод. Он честный. Он не говорит: «Оставайся дома, всё равно всё будет хорошо». Он говорит: «Оденься или замерзнешь». И я одеваюсь.

Наушники. Книга. Скорость 2,2.

Я слушаю роман о любви. Автор пишет: «В его груди взорвалась сверхновая». А я думаю: «В моей груди никогда не взрывалось. Там тихо. И иногда эта тишина — как нож».

Книги на 2,2 — это побег. Я убегаю от себя в чужие истории, но даже там я знаю, чем кончится. Потому что все истории одинаковы. Все, кроме моей. Моя — это тишина. Утро. Чай. Лена. Пашка. И эта тишина громче любого взрыва.

Прохожу мимо собаки. Она лает. Я смотрю на неё. Она замолкает. Я хочу сказать ей: «Я понимаю. Ты привязана. Ты не можешь уйти. Я тоже. Я привязан к этой улице, к этой работе, к этому городу. К Лене. К Пашке. И не хочу навязываться. Но иногда так хочется просто лечь в снег и не двигаться».

Я не говорю. Собака бы не поняла.

Офис.

Знакомые лица. Я здороваюсь. Улыбаюсь. У меня больно скулы от этой улыбки. Потому что она фальшивая. Не вся. Часть — искренняя. Катька с первого этажа — она хорошая, она приносит печеньки. Я её люблю по-человечески. А Серёга из бухгалтерии — он лицемер. Он

улыбается мне в лицо, а за глаза говорит, что я «выскочка». Я знаю. И мне больно. Странно. Почему мне больно от мнения человека, которого я не уважаю? Потому что я не железный. Я хочу нравиться. Даже тем, кто говно.

Это моя тайная слабость: мне важно, что обо мне думают.

Я говорю себе, что мне плевать. Но мне не плевать. Мне очень не плевать. Просто я научился это прятать. Так глубоко, что сам иногда забываю. А потом кто-то скажет что-то обидное — и у меня внутри всё обрывается. Я не покажу. Я улыбнусь. А ночью буду крутить эти слова в голове.

Лена говорит: «Ты слишком много думаешь». Она права. Но я не могу остановиться. Мысли — как чайник. Они кипят всё время. Даже когда я сплю. Хотя снов нет, но мысли есть. Они фоновые. Без картинок. Просто ощущения: тревога, тоска, иногда — вспышка радости, когда вспомню что-то хорошее.

В обед — звонок от Игоря.

Мы дружили с института. Двадцать лет. А потом я понял, что нам не о чем говорить. Он всё ещё живёт прошлым: вспоминает, как мы пили пиво на стройке, как гуляли, как девок бросали. А мне это неинтересно. Потому что у меня Лена и Пашка. А у него — жена, которую он не любит, работа, которую он ненавидит, и любовница, которая его через полгода бросит. Я это знаю. Игорь не знает. Или знает, но врёт себе.

— Привет. Пивка?

Я молчу. Смотрю на экран. Я хочу ответить: «Игорь, я устал. Устал от твоей вечной тоски. Устал делать вид, что нам есть о чём говорить. Устал отдавать тебе час своей жизни, который я мог бы провести с Пашкой. Прости. Я не приду».

— Я не могу.

— Дела?

- Да.

— Ну лады. Как-нибудь.

— Как-нибудь.

Я сбрасываю. И внутри — пустота. С одной стороны — облегчение. Я не пошёл. С другой — вина. Он же друг. Двадцать лет. А я отказываюсь от всех друзей. Потому что у меня нет сил.

Нет сил на людей.

Это страшно признавать. Но если честно — люди меня выматывают. Даже хорошие. Даже Лена иногда. Я хочу побыть один. Не чтобы делать что-то. А чтобы просто — выдохнуть. Без масок. Без слов.

После работы — магазин.

Молоко, хлеб, сыр. Беру всё по списку, но потом добавляю шоколадку. Для Лены. Она любит молочный с орехами. Я не всегда покупаю. Сегодня купил. Потому что хочу увидеть, как она улыбнётся. Её улыбка — это… не могу объяснить. Это как если бы в моей тишине вдруг заиграла музыка. На секунду. Но я запоминаю этот звук на годы.

Дома — ужин.

Пашка рассказывает про школу. Он сегодня получил четверку по математике. Обижается, что не пять. А я думаю: «Сынок, я горжусь тобой. Даже если ты получишь два. Ты мой. Ты лучший. Просто потому что ты есть».

Я говорю:

— Молодец.

Он:

— Пап, ты не рад?

Я:

— Рад. Очень.

И это правда. Но слов у меня мало. Я целую его в макушку. Он пахнет яблоком и потом. Детством.

Лена смотрит на меня. В её взгляде вопрос: «Ты сегодня какой-то не такой». Я отвечаю взглядом: «Всё хорошо. Правда».

— Как дела на работе? — спрашивает она.

— Нормально.

— Опять «нормально»?

— А что должно быть? Пожар? Увольнение?

Она вздыхает. Я чувствую, что обидел ее. Не нарочно. Просто я не умею говорить о работе. Для меня работа — это не жизнь. Это способ оплачивать жизнь. И там ничего интересного. Там цифры, отчеты, начальник, который через полгода уйдет. Я это чувствую. И не могу рассказать Лене, потому что она спросит: «Откуда ты знаешь?» А я не знаю откуда. Просто чувствую. Внутри. Как холод. Как перед грозой.

Вечером — сериал.

Лена утыкается мне в плечо. Ее волосы щекочут шею. Я смотрю на экран, но не вижу. Я чувствую её тепло. И думаю: «Когда я умру — я буду скучать по этому теплу больше всего».

Сериал глупый. Я знаю, кто убийца. Но Лена не знает. Она подскакивает на диване: «Ой! А вдруг это он?» Я говорю: «Посмотрим».

Я вру. Потому что уже знаю. Но я хочу продлить это её состояние — незнание, удивление, жизнь. Она живая. А я — уже знаю всё.

Мое знание — это проклятие.

Я смотрю 600 сериалов, я прочитал 4000 книг, я переслушал сотни подкастов. И теперь нет сюжета, который бы меня удивил. Нет человеческой реакции, которую бы я не предсказал. И это — пустота. Огромная, холодная пустота. Потому что если ты знаешь, чем кончится — зачем смотреть?

Но я смотрю. Ради Лены. Ради её «Ой!».

В 23:00 — ложимся.

Лена засыпает быстро. Я лежу, смотрю в потолок. Думаю.

О чём я думаю?

О том, что сегодня могло быть последним. Что завтра я могу не проснуться. Что тогда будет с Леной и Пашкой? Лена выйдет замуж. Хорошо. Пашка вырастет. Хорошо. А меня не будет. И это нормально. Все умирают.

Но я не хочу умирать.

Я хочу быть здесь. Хочу пить из отбитой кружки, слушать, как Лена спит, и делать вид, что сериал интересный. Хочу злиться на Игоря и не идти на пиво. Хочу бояться холодного пола по утрам.

Я хочу жить. Даже скучно. Даже больно. Даже зная всё наперёд.

Закрываю глаза.

Темнота. Ни звука. Ни картинки.

Я не вижу снов. Никогда.

Но сегодня перед закрытием глаз я представляю: снег, поле, я иду по снегу один. Мне холодно. Я иду долго. А в конце — дом. Горит свет. И я знаю, что там Лена и Пашка. И я стучусь. А они открывают.

Я никогда не видел этот сон. Но он у меня — в памяти сердца. Он есть. Даже если мозг выбрасывает его, как ненужный файл.

Засыпаю.

И в этот раз — не просыпаюсь там, где должен.

Глава 2. Темнота, которая не кончается

Отказ.

Я не сплю. Я не бодрствую. Я — между.

Знаешь это чувство, когда падаешь во сне? Когда нога резко дергается, и ты просыпаешься в холодном поту. Вот это — но без дерганья. И без пробуждения.

Падение длится вечность.

Я чувствую, как мое тело — то, родное, Ленино любимое, Пашкино "папино", с родинкой на левом боку и шрамом на коленке — оно где-то там. Осталось. Я слышу, как врачи говорят: "Тоннельный синдром". Нет. Я слышу сирену. Нет. Я ничего не слышу. Я просто знаю, что моё тело разбито. Фура. Лед. Три секунды на анализ. Я выбрал не тот вариант.

Мысль не паническая. Тихая. Как выдох перед сном.

«Лена. Паша. Прости меня.»

И всё.

Больше ничего.

А потом — темнота.

Обычная темнота. Как каждый вечер. Я не вижу снов, помнишь? Я привык к этой пустоте. Она — моя подруга. В ней нет страха. В ней нет боли. В ней — ничего.

Но эта темнота — другая.

Она длится слишком долго.

Я пытаюсь открыть глаза. Не могу. Я пытаюсь пошевелить пальцами. Не чувствую их. Я пытаюсь закричать. Рта нет.

"Я умер", — думаю. И внутри — ничего. Ни ужаса, ни облегчения. Просто констатация: *"Да. Вероятно, умер. Интересно, больно ли было? Не помню".*

Я жду. Ничего.

Я жду дольше. Ничего.

Я начинаю злиться. Тихо. По-своему. Не на кого-то, на ситуацию. Потому что даже у смерти должен быть скелет. Должна быть структура. Труба, свет, черти с вилами. Или белые одежды и арфы. Что угодно, лишь бы не эта — бесконечная, безликая, безвкусная пустота.

"Хоть бы сон приснился", — думаю я впервые за десять лет.

Не приснился.

Резкий. Как будто меня вырвали из пустоты пинком. Меня тошнит. Я не могу дышать. Я открываю рот — и вместо воздуха оттуда выходит хрип. Чужой. Не мой.

Мир.

Яркий. Режет глаза. Я моргаю. Один раз. Второй. Третий.

Потолок. Не мой.

Он деревянный. Тёмные балки. Грязные. Пахнет плесенью и чем-то кислым. Я не знаю этого запаха. Я знаю запах Лениных духов, кофе, стирального порошка, Пушкиных носков (фу, конечно), бензина на заправке. Я знаю сотни запахов. Этого — нет.

Моё тело ломит.

Не так, как после тренировки. Не так, как когда простуда. А так, как будто кто-то сломал меня и собрал заново, но перепутал детали. Шея затекла. Спина горит. Левая рука… я чувствую левую руку? Да. Она подо мной. Я придавлю ее. Убираю. Она двигается. Но она чужая. Тоньше. С длинными пальцами. На мизинце — кольцо. Медь. С рисунком. Я никогда не носил кольца.

"Бред. Это бред. У меня поврежден мозг. Я в реанимации. Мне снятся галлюцинации".

Сознание цепляется за эту мысль как за спасательный круг. Реанимация. Врачи. Лена рядом. Скоро приду в себя.

Поворачиваю голову.

Комната. Маленькая. Каменные стены. Одно окно — затянутое бычьим пузырем или чем-то таким, что дает мутный, серый свет. Стол. Свечной огарок. Глиняная кружка. На стене — пятна. Коричневые. Я знаю этот цвет. Кровь. Старая, въевшаяся.

На полу у двери спит кто-то. Мальчик. Лет тринадцати. В лохмотьях. Лицо грязное, под глазами синяки. Он дышит ртом, и от него пахнет потом и страхом. Я чувствую запах страха. Я думал, это метафора. Оказывается, нет. У страха есть запах. Кислый. Острый.

"Это не моя жизнь", — понимаю я.

И пустота внутри — становится тяжелой.

Я пытаюсь встать.

Тело слушается, но плохо. Дрожит. Ноги — чужие, колени слабые. Я вижу свои руки — и отворачиваюсь. Прости, я не могу их описать спокойно. Они — не мои. Кожа смуглая. Шрамы. Много шрамов. На левом предплечье — ожог. Старый. Звездочкой.

"Это тело знало боль", — думаю я. — *"Мое тело знало Лену. Это тело знало войну".*

Почему я решил, что войну? Шрамы. Ожог. И этот мальчик, который спит у двери — он спит не как ребёнок, а как зверёк. Готовый проснуться в любую секунду и бежать. Или бить.

Я делаю шаг. Пол каменный, холодный — но не как у меня дома. Дома — холодный по-утреннему, живой. Здесь — холод кладбищенский.

Мальчик открывает глаза. Сразу. Без сонного моргания. Просто — щелк — и он смотрит на меня.

Страх. Не мой. Его.

— Господин? — тихо. Голос ломается. — Вы… вы живы?

Он не знает, радоваться ему или бояться. В его глазах — надежда пополам с ужасом. Он смотрит на меня как на того, кто может его убить. Или спасти. Он сам не знает, чего больше хочет.

Я хочу сказать: "Я не твой господин. Я не знаю, где я. Как тебя зовут?"

Из моего рта выходит:

— Воды.

Голос чужой. Низкий. Хриплый. Я никогда так не говорил.

Мальчик подскакивает. Бежит к кружке. Подаёт. Руки дрожат — проливает половину. Я беру кружку. Пью. Вода теплая, пахнет глиной и железом.

"Лена", — думаю я. — *"Лена, ты где? Ты плачешь там? Ты знаешь, что я здесь?"*

Не знает. Конечно, не знает.

"Паша. Сынок. Папа не мог с тобой прощаться. Прости".

Я ставлю кружку. Смотрю на мальчика.

— Что случилось? — спрашиваю. Спокойно. Аналитик внутри уже включился. Он собирает данные. Он строит версии. Он говорит: *"Не поддавайся эмоциям. Эмоции сейчас убьют".*

Мальчик смотрит на меня как на сумасшедшего.

— Вы не помните? Вас прокляли. Вчера. Маг из северного клана. Вы упали. Не дышали. Я думал — вы мертвы. Я хотел позвать других, но вы сказали перед смертью… — он мнется, — вы сказали: "Никого не зови. Жди".

"Перед смертью? Вчера?"

— Как меня зовут? — спрашиваю.

Мальчик отшатывается. Ему страшно. Почему-то этот вопрос напугал его сильнее, чем чужой голос.

— Вы… вы не знаете своё имя?

— Я знаю. Проверяю тебя.

Ложь. Солдатская ложь. Я умею врать.

— Аргос, — выдыхает мальчик. — Господин Аргос. Вы — наемник. Вы служите южному купцу. А я — ваш слуга. Ярий. Вы меня взяли из ямы два года назад.

Ярий. Аргос. Наёмник. Проклятие.

Я смотрю на свои руки. На ожог. Пытаюсь представить, что этот человек — я.

Не получается.

Но я решаю:

"Буду им. Пока. Потому что у меня нет других вариантов".

Я сажусь на скамью. Ноги не держат.

— Расскажи всё, что знаешь. С самого начала. Я проверяю, не повредило ли мне проклятие память. Каждая деталь.

Ярий начинает говорить. Путается, заикается, сбивается. Я слушаю.

Из его рассказа:

Я — Аргос. Тридцать четыре года. Наёмник. Жестокий. Пьющий. Но платит вовремя.

Меня нанял южный купец для охраны каравана. Это был заказ на убийство — я узнал. Купец хотел, чтобы я убил северного мага.

Маг оказался сильнее. Проклял меня. Сказал: «Ты умрешь, но до этого три дня будешь видеть всех, кого убил».

Я упал, перестал дышать. Ярий ждал всю ночь. Я не дышал — но сердце билось. Иногда. Редко.

Утром я задышал снова. И теперь я — это я.

"Я не умер. Я занял тело умирающего. Он увидел всех, кого убил — и сломался. А я — пришёл. Или он умер, и его место пустовало — и моё сознание прыгнуло сюда, как на запасной парашют".

Я не знаю, как это работает. И не хочу знать. Пока.

— Где моё оружие? — спрашиваю.

Ярий указывает на угол. Меч. Кинжал. Топорик.

— Возьми. Неси за мной.

Я встаю. Шатаюсь. Встаю еще раз.

— Мы уходим.

— Куда, господин?

Я смотрю в окно. За бычьим пузырем — серое небо. Чужое. И ни одного знакомого созвездия.

— Юг. Там есть кто-то, кто сможет снять проклятие. А потом — портал или корабль. Я должен вернуться туда, откуда пришёл.

Я вру. Я не знаю, есть ли портал. Я не знаю, смогу ли вернуться. Но я не могу оставаться здесь. Потому что с каждой минутой чужое тело становится роднее, а воспоминания о Лене — прозрачнее, как старая фотография на солнце.

"Я скоро забуду ее лицо", — думаю я. — *"Нет. Я не дам".*

Я закрываю глаза на секунду. В темноте — никого. Так и должно быть.

Открываю.

– Пошли, Ярий.

И делаю шаг к двери.

Первый шаг в чужом мире.

Ноги дрожат.

Но я иду.

Глава 3. Город, который пахнет смертью

Выхожу на улицу — и первое, что понимаю: я не готов.

Я думал, что готов. Я аналитик. Я видел 600 сериалов, я прочитал 4000 книг, я знаю скелет любого мира. Бедность? Пожалуйста. Средневековье? Античность? Магический феодализм? Я это переваривал сотни раз в головах выдуманных героев.

Но никто не предупреждал, что реальный запах немытого тела, гниющей капусты и страха — он не выветривается из ноздрей.

Никто не говорил, что грязь здесь не метафора. Она липнет к подошвам. Она въедается под ногти. Она — везде.

Город назывался Каер-Торн, как успел шепнуть Ярий. Он не спросил, почему я не знаю названия столицы, в которой "прожил пять лет". Просто испуганно тараторил, пока мы шли по улочке, петляющей между каменными домами.

Я смотрю на дома. У них нет фундаментов. Нет системы. Никто не думал о дренаже, о канализации, о том, чтобы улица была шире двух телег. Люди строили как попало — и жили в этом. Десятилетиями. Поколениями.

"У них нет скелета, — думаю я. — Точнее, он есть, но кривой. Сломанный. Всё здесь держится на привычке терпеть".

Ярий идёт за мной на шаг сзади и чуть справа. Я это замечаю — и чувствую укол в груди. Сын ходил точно так же. Пашка. Слева или справа, но всегда на шаг сзади. Чтобы не мешать, но быть рядом.

— Ярий, — говорю я. Голос Аргоса звучит грубо, я ещё не привык. — Иди рядом. Со мной. А не за мной.

Мальчик смотрит удивленно. Потом медленно перестраивается.

— Но господин Аргос всегда…

— Мне плевать, что делал тот Аргос. Я — другой. Запомни.

Я не должен был этого говорить. Я выдал себя. Но эмоции захлестнули. Пашка и этот мальчик — у них одинаковые напуганные глаза. У моего сына не было причин бояться отца. А у Юрия — были.

"Тот, чье тело я занял, бил ребёнка" — понимаю я. И внутри поднимается волна. Не гнева. Отвращения. Тошноты.

— Господин, — Юрий дёргает меня за рукав. — Не стойте так. На нас смотрят.

Он прав.

Нас рассматривают. Торговка с лотка. Двое мужиков у колодца. Ребёнок, высунувшийся из окна. В их взглядах нет любопытства. Есть прикидка: "опасен — не опасен", "богат — беден", "свой — чужой".

Я выпрямляю спину. Внутри включается маска. Та, которой я пользуюсь на деловых встречах, на совещаниях, когда нужно быть "удобным для всех".

— Вези к купцу, — говорю я ровно. — Тот самый, южный. Мой наниматель.

— Он… он уехал, господин. Вчера. Как вы упали, он сел на корабль и ушел на юг.

"Бросил. Узнал, что проклят наёмник, — и свалил. Проверенный приём".

— Плату он оставил?

— Нет, господин.

Я закрываю глаза. Это не катастрофа. У меня есть меч, кинжал и топор. У меня есть голова на плечах. Не катастрофа. Просто… я не знаю местных законов. Не знаю цен. Не знаю, кто друг, кто враг.

— Тогда отведи меня туда, где можно поесть. И где дают задания.

— Таверна "Пьяный Пёс", — Ярий кивает. — Но туда ходят… всякие.

— Я и есть всякий.

Мы идём.

Таверна внутри оказалась хуже, чем я представлял.

В сериалах такие места показывают с приглушенным светом, чистыми кружками и улыбчивыми служанками. Здесь было темно, потому что коптили жирники. Воняло кислым пивом, потом и чем-то затхлым. Пол липкий. На одном из столов лежал мужик лицом вниз — храпел или умер, я не стал проверять.

Я сажусь за дальний стол, спиной к стене. Ярий садится рядом — всё ещё не на одной скамье, но ближе, чем раньше.

Ко мне подходит служанка. Лет сорока. Уставшая. С синяком под глазом. Она смотрит на меня без интереса — не из-за того, что я ей противен, а потому что интерес убивают здесь на второй день работы.

— Чего надо? — голос сиплый.

— Еды. Горячей. Две порции. И воды.

— Дене нет?

Я молча кидаю на стол монету, которую нашёл в кармане штанов Аргоса. Я не знаю, сколько она стоит. Надеюсь, достаточно.

Служанка берет, уходит.

Ярий смотрит на меня так, будто я сотворил чудо.

— Вы… вы мне тоже заказали, господин? Вы никогда раньше…

— Я устал повторять, что я другой, — перебиваю я. — Просто ешь, когда принесут.

Он замолкает. Кивает. Прячет глаза.

И тут я замечаю — у него худые руки, кости проступают. Грязные ногти. Ссадины на пальцах.

"Два года, — вспоминаю я. — Два года этот мальчик служит человеку, который, возможно, бил его, и всё равно ждал у тела всю ночь. Потому что боялся остаться один".

Я сглатываю ком.

- Ярый.

"Да, сэр?"

— Тот Аргос. Он был хорошим человеком?

Мальчик не отвечает. Молчит. Долго. Так долго, что я уже решаю, что он не ответит.

— Нет, — наконец говорит он. — Но он был хозяином. А без хозяина меня убьют. Или продадут.

— Теперь я твой хозяин, — говорю я. — И я тебя не убью. И не продам.

— Почему?

Вопрос детский. Отчаянный. Он не верит. И я не могу его винить.

Потому что я на месте этого мальчика тоже бы не поверил.

— Потому что у меня дома сын, — говорю я. Слова вырываются сами. Глупо. Опасно. Я не должен был этого говорить. — Такой же, как ты. Только сытый.

Ярий смотрит на меня. Глаза расширяются. Он не понимает. Наёмник Аргос никогда не говорил о сыне. Потому что у него не было сына.

— Вы никто вы? — шепчет он.

— Тот, кто не даст тебя в обиду, — отвечаю я. — А кто я такой на самом деле — забудь. Иначе нас обоих убьют.

Он кивает. Но я вижу — он не забудет. И правильно. Не доверять — это выживание.

Еда пришла.

Похлёбка. Хлеб чёрствый. Кусок сала — соленого, жёсткого, с прожилками.

Я ем медленно. Чужое тело не любит эту еду — желудок сводит, хочется выплюнуть. Но я заставляю себя. Силы нужны. Для того, чтобы выжить. Чтобы найти дорогу домой.

Домой.

Мысль обжигает. Домой — это где? К Лене. К Пашке. К треснувшему потолку и кружке с отбитой ручкой. К холодному полу по утрам.

А здесь — пол тёплый от грязного солнца. И это неправильно.

Я доедаю. Ярий — моментально слизывает свою тарелку. Обгладывает хлеб до крошек. Я молчу. Я не буду читать нотации о том, что так не едят. Здесь так едят.

В таверну входят трое.

Я замечаю их раньше, чем они меня. Потому что всегда смотрю на двери. Привычка из деловых встреч — кто входит, как входит, куда смотрит.

Они — вооружены. На поясах мечи, у одного — арбалет за спиной. Дорогая кожаная броня, чистая. Не местные. Или местные, но с деньгами.

Они оглядывают зал. Останавливаются на мне.

Я не отвожу взгляда. Не агрессивно, не вызывающе. Просто — смотрю. В сериалах это называется "проверка на прочность".

Самый крупный отделяется от группы, подходит к моему столу.

— Ты Аргос? — спрашивает. Голос низкий, уверенный.

— Зависит от того, кто спрашивает, — отвечаю я.

Спокойно. Даже расслабленно. Хотя внутри всё сжимается. Чужое тело помнит драки. Моё тело — нет. Моё тело умеет вести переговоры.

— Купец сказал, что ты должен нам.

— Купец? — переспрашиваю. — Который уехал на юг?

— Он самый. Занял у нас денег под твою работу. Ты работу не сделал — вернешь долг.

Логика железобетонная. Не для этого мира — для любого. *"Ты виноват в том, что нанявший тебя — мошенник"*.

— Сколько? — спрашиваю.

— Двадцать золотых.

Я не знаю, много это или мало. Но по тому, как побледнел Ярий — много.

— У меня нет двадцати золотых, — говорю я правду.

— Тогда отдашь меч. И кинжал. И мальчишку.

Мальчишку.

Вот здесь внутри меня что-то обрывается. Я смотрю на Ярия. Он молчит. Он готов. Потому что привык, что его продают, покупают, бросают. Он не сопротивляется. Он даже не злится.

Я злюсь.

За двоих.

— Меч и кинжал я могу отдать, — говорю я тихо. — Мальчишку — нет.

— Это не торг, — крупный усмехается. — Я забираю всё.

Он тянет руку к Юрию.

И я успеваю подумать: "Лена бы сказала: не лезь. Пашка бы испугался. Аналитик во мне просчитал 12 вариантов, и 10 из них — я в луже крови".

Потом я смотрю на лицо Ярия.

Оно такое же, как у Пашки, когда он проигрался в компьютерной игре. Обиженное. Беззащитное.

Я хватаю со стола кружку — и со всей силы разбиваю её о голову бугая.

Глава четвертая — драка, первое убийство в этом теле, паника и момент, когда Артем понимает: здесь правила другие. Здесь за доброту убивают. Но он всё равно выбирает доброту. Потому что иначе он перестанет быть собой.

Глава 4. Первая кровь

Кружка разбивается о голову бугая с глухим, мокрым звуком.

Я не знал, что глина о череп звучит именно так — не как в кино, не «хруст», а «бдыщь». Что-то тяжелое, органическое, неправильное.

Бугай не падает. Он шатается. Из рассечённой брови течёт кровь — яркая, красная, слишком живая для этого грязного места. Он моргает. Смотрит на меня. В его глазах нет боли. Только удивление. И злость. Огромная, глухая злость.

— Ты… — говорит он. И больше ничего. Потому что рот открывается, а слов нет. Есть только рык.

Дальше — всё как в тумане.

Не потому что я не помню. Я всё помню. Каждую секунду. Каждое движение. Просто это было так быстро и так медленно одновременно, что я до сих пор не знаю, как это описать.

Рука бугая летит к мечу. Моя рука — быстрее. Потому что тело Аргоса помнит войну. Оно знает, что делать, даже когда мозг кричит: *«Стой! Мы не убийцы!»*

Я хватаю со стола нож. Чей-то, грязный, с зазубринами на лезвии. Вонзаю в плечо бугаю. Не в шею. Не в сердце. Я не хочу убивать. Я хочу остановить.

Он даже не кричит. Он выдыхает — и бьёт меня. Кулаком. В лицо.

Мир взрывается белым светом. Я падаю на пол. Ломит скулу — чужую, но больно по-настоящему. Во рту металлический привкус. Я не помню, когда в последний раз пробовал кровь в реале. Лет в двенадцать, когда дрался во дворе с Витькой Соловьевым из-за мяча.

"Сейчас не двор, — думаю я. — Сейчас меня убьют".

Ярий кричит. Я слышу его сквозь звон в ушах: «Господин! Господин, сзади!»

Я перекатываюсь. Меч бугая врезается в пол в сантиметре от моего уха. Каменная крошка летит в лицо. Остро. Больно.

Второй из троицы уже рядом. Тот, с арбалетом. Он не стреляет — близко. Он бьёт прикладом. Я подставляю руку — и слышу треск. Не кости. Слава богу, не кости. Просто сустав хрустнул.

"Теперь я не смогу нормально держать меч, — панически отмечает аналитик. — Твою мать, не сейчас!"

Я вскакиваю. Ноги держат. Спина горит. Левой рукой хватаю со стола тарелку — единственное, что под рукой. Швыряю в арбалетчика. Тарелка разбивается о его плечо. Бесполезно. Но он отшатывается — на секунду. Мне нужно только на секунду.

Бугай замахивается снова. Я уже не уклонюсь.

И здесь Ярый.

Маленький, грязный, перепуганный мальчик хватает со скамьи ногу от стола — отломанную, тяжёлую, с ржавым гвоздём на конце — и бьёт бугая по ногам.

Сзади. По коленям.

Мужик оседает. Не падает, но его подкашивает. Он поворачивается к Юрию — и теперь уже не я, а мальчик у него на прицеле.

«Нет. Только не это».

Я не думаю. Я не анализирую. Я не считаю варианты.

Я делаю то, что никогда себе не прощу.

Хватаю кинжал — тот, что на поясе, чужой, с темной рукоятью и выемкой для пальца. И вонзаю его в шею бугая.

Ровно туда, где сонная артерия. Я не знаю анатомии в совершенстве. Но тело Аргоса — знает. Оно знает, куда бить, чтобы кровь фонтанировала. Чтобы человек умер за пятнадцать секунд. Чтобы не мучился.

Кровь тёплая. Очень тёплая. И скользкая. Она заливает мою руку по локоть. Она на лице. На губах. Солёная.

Бугай хрипит. Смотрит на меня. Я вижу, как уходит жизнь из его глаз. Сначала злость. Потом удивление. Потом — пустота.

Он падает. Сначала на колени. Потом лицом вниз. В лужу собственной крови.

Я стою. Смотрю на него.

Внутри — тишина.

И знаешь, какая? Не та, к которой я привык. Не утренняя тишина с чашкой чая. Не тишина без снов.

Это тишина мертвого поля после боя. Она звенит.

— Господин! — Ярий дёргает меня за руку. — Господин, бежим! Двое остались!

Я поднимаю глаза.

Арбалетчик и третий, который всё это время стоял у входа — они смотрят. Не бегут на меня. Не стреляют. Они боятся.

Почему?

Я опускаю взгляд на себя. Руки в крови по локоть. Кинжал зажат в правой — та, что не болит так сильно. Я тяжело дышу. И наверное, на лице у меня такое выражение… Такое, которое они видели только у безумцев или у людей, которым нечего терять.

— Уходим, — говорю я. Голос чужой. Хриплый. Не мой.

Мы выскакиваем из таверны. За спиной — крики, топот, но никто не бежит за нами. Пока.

Мы бежим. Не знаю куда. Узкими улочками, мимо вонючих канав, мимо удивленных лиц. Ярий тянет меня за рукав — он знает дорогу. Я просто переставляю ноги.

Сердце колотится так, что кажется, выскочит из груди. Чужой груди. Хотя сейчас она уже не кажется чужой. Сейчас это моя грудь. Моя боль. Моя кровь на моих руках.

Мы забегаем в какой-то тупик. Лестница вниз. Подвал. Темнота. Ярий закрывает дверь и приваливается к ней спиной.

Темнота. Знакомая. Как каждую ночь.

Но теперь я боюсь этой темноты.

Потому что в ней — лицо того мужика. Как уходит жизнь.

Я приседаю. Прислоняюсь к холодной стене. Меня трясет. Не от холода. От того, что я сделал.

— Я не хотел, — говорю я. В пустоту. Ярию. Себе. — Я просто… он мог убить тебя. Ты ударил его по ногам, а он бы тебя… Я не мог.

Ярий молчит.

В темноте я не вижу его лица. Но слышу дыхание. Частое. Испуганное.

— Вы его убили, — голос мальчика тихий. Он не обвиняет. Он просто констатирует. Как я обычно.

— Да, — отвечаю я. — Убил.

"Ты убил человека" — шепчет внутренний голос. Не мой. Ленин. Она бы сейчас плакала. Она бы сказала: «Как ты мог?!» А потом обняла бы. Потому что Лена всегда обнимает, даже когда я неправ.

Но Лены нет. Есть только грязный подвал в чужом мире, мальчик, которого я должен защитить, и руки, которые пахнут железом.

Я смотрю на свои ладони. В темноте не видно крови. Но я чувствую её. Она въелась в поры.

— Ярий, — говорю я. — Ты боишься меня?

Долгое молчание.

— Нет, — наконец говорит он. — Я боялся того Аргоса. Он убивал спокойно. Ему нравилось. А вам… вам больно. Я слышу.

Ребёнок. Чуть раньше я бы назвал это "эмпатией". Сейчас я называю это "приговор".

Потому что если даже тринадцатилетний мальчик понимает, что мне больно — значит, я не умею прятать. Значит, маска слетела. Вся моя "удобность для всех", вся моя маскировка "тут и там" — она не работает, когда ты только что убил человека в грязной таверне.

Я закрываю глаза.

Никаких снов. Как обычно.

Но теперь в темноте внутри меня — не пустота. Там лицо. И кровь. И хрип.

"Лена, — шепчу я мысленно. — Лена, мне очень страшно. Я не хотел. Я просто хотел защитить мальчика. Как тебя. Как Пашку. Прости меня".

Прощения нет. И никогда не будет.

Я открываю глаза.

— У нас есть план? — спрашивает Юрий. Деловой. Взрослый. Слишком взрослый для своих лет.

— Есть, — говорю я. И голос уже твёрже. Потому что если я сейчас разревусь — он перестанет верить. А если он перестанет верить — мы оба умрём.

— Мы уходим из города. На юг. Купец обманул нас — значит, у него есть враги. Враги моего врага могут стать моими друзьями. Я найду, кто снимет проклятие. И найду способ вернуться домой.

— А если не найдёте? — голос Юрия дрожит.

— Найду.

Я вру. Я не знаю, найду ли. И никогда не был уверен меньше, чем сейчас.

Но мальчику нужна надежда.

А надежда — это когда кто-то старше тебя говорит "всё будет хорошо", даже если всё идёт к чертям.

— Отдыхаем час, — приказываю я. — Потом идём к южным воротам.

— А если их охраняют?

— Значит, найдем другой выход. Или сделаем свой.

Я прислоняюсь к стене.

Закрываю глаза.

Внутри — лицо. Кровь. Хрип.

"Я не буду спать, — думаю я. — Я не хочу видеть это во сне".

Но снов нет. Есть только темнота. И где-то на краю сознания — женский голос. Ленин.

"Ты изменился, — говорит она. — Ты стал жёстче. Но ты всё ещё мой".

Вот это — неправда. Я ничей. Я сам по себе.

Но голос всё равно греет. Как та кружка с отбитой ручкой.

— Господин, — шепчет Ярий. — Спите. Я посторожу.

— Ты же ребёнок, — отвечаю я. — Не ты, а я посторожу. А ты спи.

Он не спорит. Через минуту я слышу его ровное дыхание.

"Как Пашка", — думаю я. И внутри становится чуть теплее.

Я смотрю в темноту подвала. Слушаю, как дышит мальчик.

И жду рассвета.

ГЛАВА 5. ЮЖНЫЕ ВОРОТА

Мы выбираемся из подвала на рассвете.

Я не спал. Всю ночь сидел, слушал, как дышит Ярий, и смотрел на дверь. Никто не пришёл. Или нас не искали. Или искали, но не нашли. В любом случае — это удача. Незаслуженная. Просто удача.

Ярий просыпается сам. Без будильника. Без "ещё пять минут". Открывает глаза — и уже на ногах. Я замечаю это и снова вспоминаю Пашку. Сына приходилось вытаскивать из кровати за пятнадцать минут до школы. А здесь — ребенок, который научился не спать лишнего, потому что лишний сон может стоить жизни.

— Уходим, — говорю я. Голос севший. Горло дерет от вчерашнего крика? Или от того, что я не пил воду? Или от того, что внутри всё сжалось в комок?

Ярий кивает. Не спрашивает "куда". Просто идёт за мной.

Выходим из подвала. Улица пустая. Рассветное небо — грязно-серое, как вчерашняя похлёбка. Я понимаю, что эта цветовая гамма будет преследовать меня всё время, пока я здесь. Ни ярких красок. Ни чистого синего. Только оттенки серого, коричневого и иногда — ржавого.

— К южным воротам нельзя, — шепчет Ярий, когда мы выходим на широкую улицу. — Там вчерашние… они могут быть.

— Значит, не к южным.

Я останавливаюсь. Смотрю по сторонам. Анализирую.

Мы находимся в нижнем городе. Судя по тому, как сушат белье над головой (верёвки протянуты из окна в окно) и как воняет из открытых дверей — здесь живут бедные. Ремесленники, грузчики, проститутки. Те, у кого нет выбора.

Выбор есть всегда, — говорит мой внутренний голос. Голос того меня, который отказывался от повышений и говорил "я не должен". Но здесь, в этом мире, выбор — это когда ты можешь выбрать между умереть быстро или долго. Я выбираю третий вариант: выжить.

— Ярий, где в стене есть дыра? — спрашиваю я. — Где охрана берёт взятки?

Мальчик удивленно смотрит. Потом хмурится.

— Откуда вы знаете, что охрану можно купить?

— Потому что везде охрану можно купить. Вопрос цены.

Он думает. Молчит. Я вижу, как он перебирает в голове карту города — ту, что нарисовал себе за годы жизни здесь.

— Северные ворота. Там старый мост через ров. Стена немного просела — можно пролезть. Но стражник там… жадный.

— Сколько?

— Монету. Серебряную.

У меня есть серебро? Я лезу в карман. Нахожу три монеты. Две медные, одна серебряная. Мелкая, неприглядная, но вчера за нее дали две тарелки похлебки, хлеб и сало. Значит, это не мало.

— Идём.

Северные ворота оказались не просто дырой в стене. Это был целый нелегальный бизнес.

Кирпичная арка, заваленная хламом — ящики, бочки, рухлядь. Но между ними — проход. Человек в кожаной куртке, с веснушчатым лицом и скучающими глазами, сидит на перевернутой бочке и чистит ногти ножом.

— Эй, — говорит он, даже не поднимая головы. — Туда нельзя. Там обвал.

— А если мне нужно, — отвечаю я, — куда идти?

Теперь он поднимает глаза. Смотрит на меня. На Ярия. Возвращается к моему лицу.

— Аргос, — узнает он. — Ты ж вчера вроде…

— Живой. Как видишь.

— Живой, — повторяет он, и в голосе — уважение. Или насмешка. Не поймёшь. — Ну, живой платит. Пять серебряных.

У меня одна.

— У меня одна, — говорю я честно.

— Тогда не живой.

Он опять смотрит на ноги. Разговор закончен.

Я мог бы уйти. Попробовать другие ворота. Рискнуть лезть через стену в другом месте — сломать шею или быть замеченным лучниками. Мог бы ударить ножом, как вчера. Мог бы пригрозить — в конце концов, у меня репутация убийцы.

Но я вспоминаю вчерашнюю кровь. Как теплеют руки, когда вонзаешь нож в шею. Как человек смотрит перед тем, как умереть.

Не сегодня.

Я сажусь на корточки перед стражником. Так, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Послушай, — говорю я тихо. — У меня больше нет денег. Но у меня есть услуга.

— Какая?

— Ты когда-нибудь задумывался, почему южный купец уехал так быстро? Почему бросил свой караван?

Стражник молчит. Но я вижу — мне удалось зацепить его.

— Он уехал, потому что знал — за ним идут. Северный маг не простил ему покушения. Купец заплатил мне, чтобы я убил мага. Я не смог. Теперь маг ищет купца. Но у купца есть враги и здесь, в городе.

Я импровизирую. Я ничего не знаю про врагов. Но логика подсказывает: если купец сбежал ночью, бросив наёмника — значит, он боялся. И не только мага.

— Если ты пропустишь меня, — продолжаю я, — я обещаю, что назову твоё имя купцу, когда он вернётся. Как человека, который помог его человеку. Он щедрый. Думаю, десять золотых — не проблема.

Стражник смотрит. Чешет щетину.

— А если ты врёшь?

— Тогда ты потерял одну серебряную монету. Смешно, правда?

Долгая пауза.

— Проходи, — говорит он, отодвигая бочку. — Но если я узна́ю, что ты надул…

— Не надул, — вру я. И улыбаюсь. Искренней улыбкой. Той, которую назвал бы Лена "хитрой".

Мы проходим. Ярий сжимает мою руку. Крепко. Сильнее, чем нужно.

— Вы солгали, — шепчет он, когда мы выходим за стену и оказываемся в поле.

- Да.

— У купца нет врагов здесь. Он просто трус.

— Я знаю.

— Тогда почему стражник поверил?

— Потому что люди верят в то, во что хотят верить. Он хотел поверить, что может получить десять золотых. Я дал ему эту надежду.

Ярий молчит. Шагает рядом. Поле вокруг — серое, с пожухлой травой. Вдали — лес. Я иду туда. В лес.

— Вы опасный человек, господин, — наконец говорит мальчик.

— Нет, — отвечаю я. — Я просто человек, который устал терять. И не хочет убивать больше, чем необходимо.

Лес приближается.

Я думаю о Лене.

"Ты бы гордилась мной? — спрашиваю я мысленно. — Я солгал, но не убил. Я выбрал слова вместо крови".

Лена не отвечает. Она далеко. В другом мире. Может быть, уже знает, что меня нет.

Или до сих пор ждёт.

Я бы хотел, чтобы она ждала. Но это жестоко.

Лучше пусть плачет и отпускает.

Конец пятой главы.

ГЛАВА 6. НОЧЬ БЕЗ КРЫШИ

Лес встретил нас тишиной.

Не той, городской, которая давит. А настоящей лесно́й — с шорохом листьев, с криком птицы где-то далеко, с треском ветки под ногой. Я не был в лесу… Давно. С Пашкой, года три назад, в выходные, когда Лена сказала: "Веди ребёнка на природу, вы оба как комнатные растения".

Мы тогда жарили сосиски на костре. Пашка нашел ветку, похожую на меч, и рубил крапиву. Я делал вид, что злюсь. На самом деле — улыбался внутри. Всё тем же внутренним, невидимым миру счастьем.

Здесь сосиски не жарят. Здесь спасаются.

Я иду первым, Ярий — за мной. Я стараюсь идти беззвучно — учился этому когда-то в туристическом клубе в универе. Тело Аргоса помнит лучше. Оно передвигается как кошка: мягко, с носка на пятку, без лишних звуков.

Через час леса я останавливаюсь.

— Отдых.

Мы садимся под корнями упавшего дерева. Ярий тяжело дышит. Я смотрю на него — синяки под глазами, пот на лбу. Ребенок устал. А я заставляю его идти, потому что боюсь погони.

— Прости, — говорю я.

Он удивленно смотрит.

— За что? Вы здесь не причём.

— Я при чём. Потому что выбрал не тот путь. Мог бы спрятаться в городе, подождать, пока всё утихнет. Но я повёл нас в лес, потому что мне страшно. Я боюсь людей. И из-за этого тебе тяжело.

Ярий смотрит. В его глазах — что-то новое. Уважение? Жалость? Не знаю.

— Вы боитесь, как я, — говорит он. — Все боятся. Только никто не признается.

— Я признаю́сь. Дуракам везет.

Мы сидим молча. Я достаю остатки хлеба из-за пазухи — того, вчерашнего. Делим поровну. Я даю больше. Он не замечает. Или делает вид.

— Дальше что? — спрашивает мальчик, жуя.

— Дальше — юг. Вдоль леса, не выходя на дорогу. Город на воде. Там есть человек, который может отменить проклятие.

— А если не поможет?

— Тогда придумаем что-то ещё.

"А если не придумаем — значит, я навсегда останусь здесь. И никогда больше не увижу Лену. Не обниму Пашку. Не проснусь утром в своей постели".

Я закрываю глаза на секунду. Внутри — боль. Не физическая. Такая, которая скручивает внутренности и не отпускает. Я вспоминаю лицо Лены. А оно расплывается. Господи. Я здесь всего второй день, а её лицо уже становится нечетким.

Нет. Только не это.

Я открываю глаза. Смотрю на свои руки. Запоминаю каждую линию, каждый шрам. Потом закрываю — и представляю Ленину ладонь. Мягкую, с короткими ногтями, без колец (она не носит, потому что теряет). Я держал эту ладонь тысячу раз. Я знаю ее теплее, чем свою.

"Не забывай, — приказываю я себе. — Ты имеешь право забыть всё, что было до неё. Но не её. Никогда".

Солнце клонится к закату.

— Нужно искать место для ночлега, — говорит Юрий. Деловито. По-взрослому.

— Я знаю. Пойдём.

Мы нашли овраг. Склоны заросшие, на дне — сухая листва. Сверху нависает коряга — естественная крыша. Не дворец, но от дождя спасет. И от ветра.

Я собираю хворост. Ярий высекает искру кремнием — у него получается с третьего раза. Маленький огонь разгорается. Мы сидим рядом, греем руки.

— Расскажите про ваш дом, — просит Ярий. Не глядя на меня.

— Зачем?

— Хочу знать. Как там — без магии, без проклятий.

Я молчу минуту, другую. Костер трещит. Над нами — небо, усыпанное звёздами. Совсем не такими, как дома. Дома я мог указать на ковш Большой Медведицы. Здесь — всё чужое.

— Там — тихо, — наконец говорю я. — Просыпаешься утром — и первое, что слышишь, не кричи и не звон мечей. А чайник. Он свистит на плите. Это такой звук… Для кого-то он раздражает. А для меня — он как "доброе утро".

Ярий слушает. Глаза блестят в свете костра.

— У меня есть жена. Лена. Она не верит в магию. Она верит в скидку в супермаркете. И в то, что сыну нужно кушать меньше сладкого, а то зубы испортятся.

— А сын?

— Пашка. Ему девять. Он… он похож на меня. Упрямый. Но добрее. Я в его возрасте был гаденышем. А он — хороший. Иногда мне кажется — слишком хороший для этого мира.

Голос срывается. Я замолкаю.

— Вы по ним скучаете, — говорит Ярий. Не спрашивает. Утверждает.

- Да.

Очень простое слово. Одна буква. А внутри — разрывная пуля.

Я смотрю на мальчика напротив меня. Грязного, худого, с вытравленными глазами. И понимаю: он никогда не скучал по родителям. Потому что их у него нет. Или потому что они были такими, что по ним не скучают.

— Ярий, — говорю я. — Ты теперь не один. Понял?

Он кивает. Но не верит. И правильно.

— Ложись спать. Я посторожу.

Он ложится на листву, сворачивается калачиком. Через пять минут дышит ровно.

А я сижу у костра, смотрю на огонь и думаю.

"Лена, я здесь, в лесу, под чужим небом. Я охраняю чужого мальчика. Потому что не смог охранять вас. Прости меня. И жди. Я вернусь. Даже если придётся пройти сквозь все миры".

Я закрываю глаза.

И впервые за десять лет — вижу сон.

Белый свет. Ничего не разобрать. И голос. Ленин.

«Я знаю, что ты жив. Я всегда знаю. Возвращайся. Мы ждём».

Я открываю глаза.

Тьма. Костер почти погас. Щека мокрая. Я трогаю — слёзы.

Ярий спит. Не видит.

Хорошо.

Я подкладываю веток в огонь, ложусь на спину, смотрю на звёзды. Чужие, холодные, далекие.

"Хорошо, — думаю я. — Хотя бы сны вернулись. Значит, я ещё не совсем потерял себя".

Засыпаю с мыслью о Лениной руке. Тёплой. Мягкой. Родной.

Конец шестой главы.

ГЛАВА 7. Следы прошлого

Лес встретил нас утром сыростью и тишиной.

Я проснулся от того, что замёрз. Не так, как дома, когда можно натянуть одеяло до подбородка и поспать еще полчаса. Здесь холод проникал сквозь одежду, сквозь кожу, сквозь память о том, что когда-то у меня был дом с горячими батареями и тёплым пледом от Лениной мамы.

Ярий уже не спал. Сидел на корточках у догоревшего костра, ковырял палкой угли. Искал, нет ли живого огня. Умный мальчик. Слишком умный для своих лет.

— Вставайте, господин, — сказал он, не оборачиваясь. — Нам нужно идти. Скоро рассвет, а на дороге появляются люди.

Я сел. Спина болела — спать на корнях и листьях оказалось хуже, чем я думал. Тело Аргоса было крепким, но оно привыкло к кровати. Или к полу? Или к земле в походах? Я не знал. Воспоминания наёмника не приходили ко мне. Только мышечная память: как держать меч, как уклоняться, как падать, чтобы не разбиться.

Но не как спать на холоде. Этому телу тоже было неуютно.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Идём.

Мы затушили костёр. Я присыпал его песком и землёй — научил Ярия. Не потому что боялся пожара. Потому что дым мог выдать нас тем, кто шёл по следу. А кто-то шёл. Я чувствовал это спиной. Не магия. Просто опыт: когда ты кому-то должен или кому-то мешаешь — за тобой идут.

Лес становился гуще. Деревья — выше. Стволы покрывал мох, с веток свисали лишайники. Пахло прелой листвой и чем-то сладковатым — может быть, болотом. Я напрягся.

— Ярий, здесь есть трясины?

— Справа, — мальчик кивнул в сторону. — Там, за теми кустами, начинается гиблое место. Никто туда не ходит.

— Тогда и мы не пойдём.

Мы двинулись вдоль опушки. Солнце поднялось, но не согрело. Серый свет пробивался сквозь кроны, делал лес похожим на гравюру — черно-белую, без полутонов. Я снова подумал о Лене. Она любила яркие цвета. Платья, занавески, даже кастрюли — всё выбирала в цвете. «Серость убивает, — говорила она. — Мы живём в городе, где полгода снег. Нужно окружать себя радостью».

"Радость", — повторил я про себя и чуть не споткнулся о корень.

Ярий подхватил меня под локоть. Мгновенно. Без слов.

— Спасибо, — буркнул я.

— Зачем вы идете так быстро? — спросил он. — Вы же сами учили: тише едешь — дальше будешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.